Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

№ 19. изданія годъ XVIII.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

ВСѢ ОБЪЯВЛЕНІЯ для журнала „Шутъ“, КРОМѢ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ, принимаются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Центральной Конторѣ Объявленій бывш. Л. Метцль въ Москвѣ, на Мясницкой ул., д. Спиридонова.

ШУТЪ

11 Мая 1896 г. № 19.

Пріемъ объявленій по **25 коп.** за мѣсто занимаемое строкою петита, въ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17. Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.

Возвращеніе рукописей не обязательно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

— Говорятъ, Надинъ, что скоро обложатъ налогомъ всѣ предметы первой необходимости...
— Ну, моя милая, этого налога и намъ не миновать.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА".

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.
Шекспиръ.

Анимотосинемотоцинокиномотографія.

Вотъ зрѣлище, которымъ вздумали угощать лѣтніе антрепренеры.

Не надо артистовъ! Не надо декорацій и костюмовъ.

Теперь при помощи фотографіи и Рауля Гюнсбурга можно видѣть цѣлое представленіе и не на сценѣ, а на экранѣ.

Зрѣлище безподобное и артисты, не могущіе сказать: „позвольте намъ жалованье".

Рауль Гюнсбургъ увѣряетъ всѣхъ, что циклъ картинъ будетъ перемѣненъ.

Появятся, якобы, такіе историческіе эпизоды, какъ „символическое оскорбленіе князя Сыръ-Бри", „разъѣздъ изъ сада Тумпакова", „засѣданіе ремесленниковъ" и т. д.

Фотографія выйдетъ не только „живая", но „бурная".

Бойтесь, господа!

Вы можете попасть къ Люмьеру на пластинку!

* *
*

Въ нашей Думѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, ликованіе.

Ликуетъ, во-первыхъ, почтенный гласный г. Глуховской. Противъ его „сѣверной дороги" въ Думѣ предпринятъ цѣлый походъ.

Или даже „травля", какъ выразился одинъ изъ гласныхъ.

Долго гласный Глуховской добивался денегъ отъ Думы.

Наши отцы города были непреклонны.

Но г. Глуховской помнилъ заповѣдь:

— „Толцыте и отверзится!".

И вотъ на этой недѣлѣ ему отверзилось!

Гласные постановили дать три тысячи рублей будущимъ Сѣвернымъ дорогамъ на бѣдность.

Больно ужъ слезно просятъ!

* *
*

Вторая думская новинка касается гласнаго г. Смирнова. Онъ, какъ извѣстно, застроилъ весь Васильевскій островъ своими столбами.

Но объ эти столбы прохожіе разбивали лбы.

Сюжетъ хорошій для оперетки, но отнюдь не для Сѣверной Пальмиры.

И Дума постановила такое мудрое рѣшеніе:

Обязать г. Смирнова освѣщать эти столбы, чтобы на нихъ не натыкались прохожіе.

А кто разрѣшилъ постановку этихъ столбовъ? Тоже Дума.

Неужели она ихъ разрѣшила для того, чтобы обыватели пробовали крѣпость своихъ лбовъ?..

* *
*

Нѣсколько градусовъ кверху и физіономіи антрепренеровъ засіяли, какъ только что вычищенные тульскіе самовары.

Дачники рискнули выглянуть изъ своихъ дачъ.

Погода стала милостивѣе къ намъ.

А то уже основывалось общество для защиты артистовъ открытой сцены отъ замерзанія.

Наши антрепренеры быть можетъ члены общества покровительства животнымъ, но не человѣколюбивы.

Заставлять въ трико фигурировать въ такіе холода, это нѣчто схожее съ средневѣковой испанской инквизиціей.

* *
*

Г-жа Яворская въ Москвѣ.

Вотъ артистка, еще разъ доказавшая справедливость пословицы: „Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ".

Г-жа Яворская начала свою карьеру въ Москвѣ.

Пріѣхала сюда и покорила петербуржцевъ.

О ней закричали трубы и литавры, и теперь она вернулась въ Москву для гастролей въ полномъ расцвѣтѣ своей славы.

Шутъ 2-й.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

КОЗЬМА ПРУТКОВЪ.

«Небывалый» юмористъ.

ОТСТАВКА.

— Вы приказали мнѣ подать въ отставку, но прошу васъ позволить мнѣ заявить товарищамъ, что я ѣду лѣчиться на минеральныя воды.

— Хорошо, можете говорить, что вамъ предписано жить въ Новой Деревнѣ и пользоваться тамошними минеральными водами.

Семирамидъ.

ЕМУ ВСЕ РАВНО.

Женихъ ѣдетъ къ вѣнцу въ каретѣ, которую еле тащатъ изморенныя клячи.

— Кучеръ! поѣзжай же поскорѣе!.. Развѣ ты не знаешь, что я ѣду вѣнчаться, меня тамъ ждутъ давно!..

— Да я нарочно не тороплюсь, баринъ, думаю: авось, дорогою-то баринъ еще и передумаете! Много такихъ случаевъ бываетъ, и намъ за такую ѣзду потомъ большое вознагражденіе перепадаетъ.

Жанъ Коко.

МЕЛОЧИШКИ.

Въ «Помпеѣ».

— Это безобразіе-съ, господинъ, это нахальство-съ!.. Вы вымазали человѣка горчицей, не имѣя средствъ заплатить ему за безчестье!.. Это нехорошо-съ!.. У насъ приличное, семейное заведеніе, и посѣтители, при подобныхъ инцидентахъ, завсегда честно, благородно расплачиваются!.. Да-съ!.. Пожалуйте-съ въ контору!..

* *
*

Негодованіе.

— Эти Пеликановы просто невыносимы: уже май мѣсяцъ въ половинѣ, а они еще и не думаютъ на дачу переѣзжать!..

— Да тебѣ-то, Анна Ивановна, какое до этого дѣло?..

— Какъ какое дѣло?!. Да будь они на дачѣ,—такъ мы могли бы теперь отправиться къ нимъ гостить, пользоваться вольнымъ воздухомъ, вмѣсто того, чтобы здѣсь, въ городѣ, киснуть!.. Этакіе, право, канальи!..

* *
*

Писатель на дачѣ.

— Что это?!. Мой мужъ въ компаніи горничныхъ?!. Ахъ, вы, негодный старичишка!.. Маршъ домой!..

— Мамочка, ты не подумай чего такого... Это я съ литературными цѣлями къ нимъ присоединился: я, видишь ли, для своей новой повѣсти, изучаю бытъ прислуги... Честное слово!..

* *
*

Пригрозила.

— Послушайте, если вы отъ меня не отстанете, я позову... оффиціанта и потребую... самый дорогой ужинъ на вашъ счетъ!..

* *
*

Предусмотрительный дачникъ.

— Что ты, Петръ Семеновичъ, съ ума, что ли, сошелъ?!. Пять боченковъ селедокъ берешь!..

— Молчи, Марья Николаевна, ты ничего не понимаешь!.. Пока въ долгъ даютъ, такъ и нужно провизію запасать!.. Вѣдь черезъ мѣсяцъ намъ всѣ торговцы, за неплатежъ денегъ, кредитъ закроютъ!..

Ап. Бельведерскій.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Вѣна. — Іоганъ Штраусъ написалъ новый маршъ на русскіе мотивы. Вѣнское общество не знаетъ, танцовать ли ему подъ эту музыку, или нѣтъ. Сдѣланъ запросъ въ палату.

Ріо-Жанейро.—Экипажъ парохода „Ocean", прибывшій въ портъ, заявилъ, что въ океанѣ былъ замѣченъ громадный морской змѣй. Змѣй грѣлся на солнцѣ, блестя стальной чешуей, когда пароходъ прошелъ довольно близко отъ чудовища. Въ подзорныя трубы было замѣчено, что на змѣѣ имѣется надпись: самый лучшій шоколатъ „Hurra!" Нью-Іоркъ, 23.

Константинополь.—Въ pendant къ танцу „живота" изобрѣтенъ танецъ „спины". Новый танецъ производитъ сенсацію.

ГВОЗДЬ.

(элегія).

Она на скамейкѣ сидѣла,
А онъ передъ нею стоялъ.
Она раскрывала свой вѣеръ,
Онъ душу свою раскрывалъ.
Шепталъ онъ ей нѣжныя рѣчи,
Мерцалъ ея взоръ, какъ звѣзда,
Она колебалась, но скоро
Съ улыбкой отвѣтила „да!"
Въ экстазѣ онъ сѣлъ на скамейку
И вскрикнулъ и выронилъ трость.
Должно быть, судьба захотѣла,
Чтобъ сѣлъ онъ случайно на гвоздь.
Испортивъ свои панталоны
И ссадину сдѣлавъ себѣ,
Поплелся домой онъ, проклятья
Своей посылая судьбѣ.
Она жъ на скамейкѣ осталась,
Колеблясь какъ тонкая трость,
И долго и тяжко вздыхала
И съ грустью смотрѣла на гвоздь!..

Мрачный Штурманъ.

ПИСАТЕЛИ FIN DE SIÈCLE'Я.

— Чортъ возьми!.. Скоро ужъ шесть часовъ, а я еще сегодня ни одного романа не написалъ!..

—

Поэтъ Z. удивительно прилеженъ: онъ пишетъ каждый мѣсяцъ по полной редакціонной корзинѣ.

—и.

УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦІЯ.

(изъ объявленій будущаго).

Садъ и театръ „Андалузія".

„*Примѣчаніе.* Въ холодные вечера паровое отопленіе буфета, лѣтняго театра и мѣстъ передъ открытой сценой (Ново! Ново!).

Дана будетъ въ первый разъ новѣйшая оперетта:

„Насморкъ у Сарданапала".

„Пьеса поставлена съ восточною роскошью. Костюмы и аксессуары исторически-вѣрные, исполненные по рисункамъ художника-спирита, при посредствѣ его сношеній съ духами тайнаго міра".

Театръ „Моя радость".

Небывалый дебютъ! Сегодня первый разъ въ Европѣ! Роль „Прекрасной Елены" исполнитъ дикарка изъ Патагоніи. Ново!

Театръ при ресторанѣ „Рай Магомета".

Для удобства публики новость. Водку и вино не надо требовать: въ особыхъ холодильникахъ на каждомъ столикѣ находится полный ассортиментъ водокъ и винъ, съ автоматическими счетчиками количества выпитыхъ посѣтителями рюмокъ.

Увеселительный садъ „Наливайка".

При входѣ каждый посѣтитель получаетъ безплатно дѣвицу-хористку для пріятной компаніи на весь вечеръ. Угощеніе дѣвицы не обязательно.

Драться строго воспрещается.

Гулливеръ.

ДАЧНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ.

Показались первыя невѣсты.
Женихи вышли на подножный кормъ.
Запѣли разносчики.
Открылись, на лѣто, трактиры и портерныя.
Зацвѣли носы у дворниковъ.
Въ воздухѣ затанцовали рои микробовъ и бактерій.
На кухняхъ, около кухарокъ, появились усатые домовые.
Запахло исполнительными листами.
Въ лѣсахъ и рощахъ застрекотали влюбленные.
Прилетѣли мазурики.

Ап. Бельведерскій.

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

Въ эти дни всѣ наши помыслы летятъ въ Москву.

Петербуржецъ, этотъ природный бюрократъ, съ чиновной душой, въ которой „входящія и исходящія" мысли и идеи пронумерованы и прошнурованы, въ эти дни встряхивается отъ канцелярской пыли, пробуждаясь для чисто-русскаго хорошаго чувства.

Веселящійся петербуржецъ однако неисправимъ, и послѣ первыхъ же торжественныхъ нотъ, ему слышатся веселенькіе мотивы изъ модныхъ оперетокъ или изъ новыхъ модныхъ гривуазныхъ шансонетокъ, привезенныхъ на „открытія" разными „этуалями".

По общимъ отзывамъ людей „свѣдущихъ", хорошенькихъ въ Москвѣ несравненно меньше, чѣмъ въ Петербургѣ. По ихъ увѣреніямъ, москвички слишкомъ толсты, пухлы какъ булки, а петербуржки слишкомъ легки. Таковъ тонкій вкусъ людей компетентныхъ.

Поэтъ, обращаясь къ прекрасному полу Петербурга, говоритъ:

Въ васъ совершенно нѣту плоти:
Легки, прозрачны вы, какъ тѣнь,
Вы, вѣрно, воздухомъ живете,
Вамъ даже ѣсть какъ будто лѣнь.
Цивилизаціей измяты
Вы съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ;
Вы совершенно автоматы,
Въ васъ ни страстей, ни крови нѣтъ.

Выхода, повидимому, нѣтъ: или набивай животъ пухлой булкой, или ѣшь вяленую треску... Но поэтъ тѣмъ не менѣе находитъ спасенье въ провинціальной дѣвѣ:

Вотъ, напримѣръ, передо мной
Приволжскихъ странъ природный фруктъ,
Сырой—какъ есть, совсѣмъ съ корой—
Россіи матушки продуктъ.
Да, господа! дѣвица эта,
Какъ говоритъ ея портретъ,
Не изводясь въ забавахъ свѣта:
Она здорова, какъ атлетъ;
Десятка два нѣжнѣйшихъ нянекъ
Ее кормили день и ночь;
Она полна, бѣла точь въ точь...
Точь въ точь тверской рублевый пряникъ!
Ея глаза горятъ какъ жаръ,
Какъ новый тульскій самоваръ;
Проста душа ея младая,
Какъ воды волжскія чиста,
Какъ лучшій колоколъ Валдая
Звучатъ широкія уста.

Какъ видите, поэтъ разошелся: душа *чиста* какъ *волжскія воды*... уста *широкія* звучатъ какъ колоколъ; продолжая такими метафорами, ноги дѣвы поэтъ сравнилъ бы съ квасными бочками, а животъ съ турецкимъ барабаномъ. И такъ, идеалъ найденъ и за нимъ надо ѣхать въ провинцію.

* *
*

Безконечный міръ изобрѣтеній каждый день даритъ свѣту подарки одинъ другого цѣннѣе.

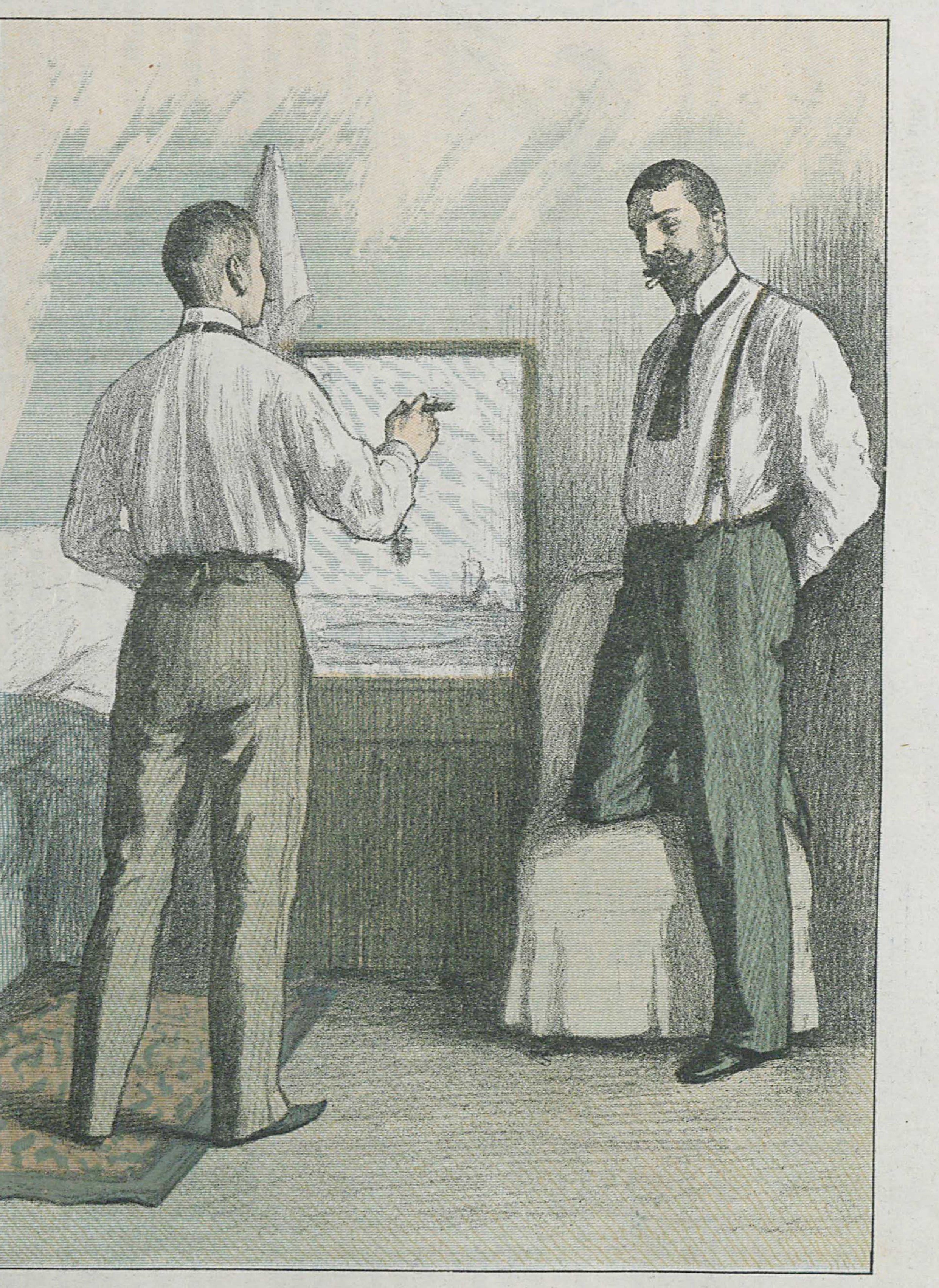
— Вы слышали что-либо о переносныхъ домахъ?

Въ недалекомъ будущемъ, за какіе-нибудь двѣсти рублей, вы будете владѣлецъ прехорошенькаго небольшого складного домика... Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ шутокъ, въ недалекомъ будущемъ появятся въ продажѣ эти удобныя портативныя бонбоньерки, въ видѣ швейцарскихъ домиковъ начиненныхъ дражэ. Въ такіе майскіе холода, какъ нынѣшніе, обитатели этихъ домиковъ будутъ также „дражэ". Главное удобство заключается въ возможности переносить эти дома, по желанію, съ мѣста на мѣсто. Это, такъ сказать, дома—чемоданы: сложилъ, взялъ за ручку и перенесъ на другую лужайку. Въ особенности они

— Разрѣшите сказать лишь одно слово, — можно войти, одно лишь слово...

— Если слово это—деньги,—входите.

— Вы слышали, Егоровъ 5 лѣтъ ухаживалъ за своей невѣстой, пока добился согласія...
— Да, и получилъ 50 тысячъ приданаго, по 10 тысячъ за годъ. При такомъ годовомъ окладѣ, батенька, можно и десять лѣтъ ухаживать.

— Давненько вы, Георгій Петровичъ, не были у меня!
— Я все васъ ждалъ къ себѣ: но, вижу, не идетъ гора къ Магомету, тогда Магометъ пошелъ къ горѣ.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

Тонкій намекъ.

— Лиза, я васъ такъ люблю, чтó и высказать того не могу.

— Ну, моей мамашѣ вы бы могли это высказать!

Искреннее мнѣніе.

— Этотъ дуракъ Дудочкинъ, на вопросъ о моей послѣдней картинѣ, отвѣтилъ, что она никуда не годится... Ну, понятно, я его спустилъ за это съ лѣстницы. Я васъ теперь прошу высказать свое мнѣніе о ней, но—пожалуйста, будьте искренни... Б—ръ.

ДАЧНАЯ МЕЛОЧИШКА.

— Ты еще только встаешь!

— Да, я вчера ѣздила дачу нанимать; представь, наняла отличную, съ тремя ходами.

— Что же въ томъ хорошаго?

— Глупая! Осень придетъ, начнется облава, повѣстки,—ну, словомъ, положеніе такое, что никакого выхода, а тутъ ихъ цѣлыхъ три. Семирамидъ.

ИЗЪ ДАЧНОЙ ЖИЗНИ.

— Почему около этой дачи такое сборище? Цѣлое дамское гулянье!

— А это маменьки со своими незамужними дочерьми разгуливаютъ: въ этой дачѣ, видите ли, холостой господинъ живетъ...

—

— А, у васъ гамаки въ саду развѣшаны... Вѣрно, отдыхаете въ нихъ послѣ обѣда?

— Нѣтъ, почемъ... Въ саду, по крайней мѣрѣ, не такъ дуетъ, да и насѣкомыхъ различныхъ меньше... Только одни комары. Сомъ.

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ.

— Шерочка, не поѣхать ли намъ это лѣто въ Озерки?

— Это, конечно, „она" такъ хочетъ?

— Ну, выбирай сама,—говори гдѣ, мнѣ все равно...

— Ага, понимаю, ты спрашиваешь, чтобы „ее" предупредить! Вурбоша.

ЗООЛОГИЧЕСКІЯ ПРАВИЛА.

Почтеннѣйшую публику покорнѣйше просятъ:

Звѣрей и распорядителей не дразнить.

Въ музыкантовъ пивными кружками не кидать.

На четвереньках и внизъ головой по саду не разгуливать.

Слоновыхъ, львиныхъ и тому подобныхъ бифштексовъ въ буфетѣ не требовать.

Фалды у оффиціантовъ не обрывать.

Дѣвицъ, служащихъ въ стрѣльбищѣ, руками не трогать.

Звѣрей пивомъ не поить. Базиль.

ПОБАСЕНКА.

— Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?
— Въ саду у Роста цѣлый день бродилъ;
Чему, чему я тамъ не удивлялся!
Когда бы мой языкъ не заплетался,
Я бъ все тебѣ пересказалъ...
— А видѣлъ ты слона?—Видалъ!
Громадный бѣлый слонъ!..
Передо мной явился онъ
На сорокъ пятой кружкѣ пива...

Какое жъ въ этомъ диво?
Читатель скажетъ просто, —
Боченокъ выпить пива
Вѣдь можно и безъ Роста!.. Делирикъ.

ТО—СЕ.

Лабораторія.

— Ба, да ты химіей занялся! Вонъ сколько у тебя тутъ разныхъ ретортъ, баночекъ и прочаго!

— Какая тутъ химія!.. Это просто туалетный столикъ жены.

Наши читатели.

— Вы читаете газету „Кляксапиръ"?.. Но вы ее всегда ругали?!.

— Ну, да! Развѣ могъ бы я ее ругать, если бы не читалъ?

На нейтральной почвѣ.

— Смотри, Бубликовы здѣсь у Неметти... И какъ они мирно разговариваютъ... А говорятъ, что они всегда между собой какъ собака съ кошкой...

— Совершенно вѣрно! Когда имъ о чемъ-нибудь переговорить надо, они уходятъ куда-нибудь въ общественное мѣсто, а то дома ихъ разговоры сейчасъ же въ драку переходятъ. К. Тото.

ИЗЪ ЖИЗНИ.

Онъ.—Какъ, вы въ трауре, Наталья Петровна?..

Она.—Да, Александръ Ивановичъ: мой *первый* мужъ умеръ!..

—

Жена.—А знаешь, Николай, я думаю, что Андрей Андреевичъ женится на нашей Нютѣ изъ-за денегъ!..

Мужъ.—Почему ты это думаешь?..

Жена.—Да что-то онъ очень часто говоритъ о *золотыхъ* волосахъ Нюты и восторгается ея *серебристымъ* смѣхомъ!..

—

Первая мамаша.—Какъ учится вашъ Саша?..

Вторая мамаша.—Очень хорошо!.. Только вотъ—пишетъ совсѣмъ плохо!..

Первая мамаша.—О, это пустяки: купите ему пишущую машину!.. Бри.

ГРОЗА.

„Ахъ, гроза въ началѣ мая
„Поэтична, хороша!.." —
Ты мнѣ, тихо обнимая,
Говоришь, моя душа...
Да!.. Но вспомни—и въ апрѣлѣ
Ужъ немало добрыхъ грозъ
Въ нашей комнаткѣ шумѣли,
Изливая ливень слезъ... Эль.

НЕ ПОДХОДИТЪ.

— Послушайте, Спиридонъ Иванычъ, вѣдь мы съ вами когда-то въ одномъ ресторанѣ служили: я былъ буфетчикомъ, а вы поваромъ... Дайте мнѣ поэтому почетный билетъ...

— Извольте, извольте, голубчикъ. Вотъ-съ...

— Да что же вы мнѣ на одну персону-то даете? Вѣдь я женатый человѣкъ!

— Женатый? Ну, тогда, извините, я вамъ и этого не дамъ! Помилуйте, какой мнѣ толкъ въ женатыхъ посѣтителяхъ, когда у меня вся увеселительная часть на женскомъ элементѣ построена! Гулливеръ.

СОХРАНИЛСЯ.

— Да смѣете ли вы со мной не соглашаться, спорить?! Да въ ваши лѣта, милостивый государь, я былъ еще осломъ!

— Вы удивительно какъ сохранились. Семирамидъ.

будутъ незамѣнимы въ лѣтній сезонъ: облюбовавъ гдѣ-нибудь полянку, вы тотчасъ развертываете свой чемоданъ-домъ и черезъ часъ уже пьете на балконѣ чай. Но вотъ вы видите, что такой же новый домикъ, во время вашего чаепитія, выросъ около васъ какъ грибъ, и съ такого же хорошаго балкона, какъ вашъ, слышится привѣтъ вашей тещи... Вы молча доканчиваете вашъ чай, молча складываете чемоданъ-домъ въ три погибели, и уносите его съ полянки куда-нибудь въ лѣсныя дебри.

Только не надо горячиться и не спѣшить, а то, складывая домъ въ три погибели, можно спрессовать свою супругу.

* *
*

Интеллигентный петербуржецъ, слушающій совѣты докторовъ и полиціи, долженъ не пить невской воды,—она переполнена микробами, въ особенности прошедшая черезъ фильтръ,—не ѣсть масла, не пить молока, потому что ихъ дѣлаютъ изъ всевозможной дряни; остерегаться отъ покупки лежалаго мяса, подкрашеннаго кровью, отъ мороженныхъ гусей и утокъ, начиненныхъ тряпками; не пить вина, фальсифицированнаго сандаломъ, салицилкой, глицериномъ, гипсомъ; долженъ отказаться отъ чая спитого, подкрашеннаго или, попросту, отъ капорки; долженъ отвыкнуть пить кофе, приготовляемый съ кирпичемъ, перестать лакомиться подкрашенными фуксиномъ апельсинами-корольками, желатиновымъ вареньемъ, и, наконецъ, разстаться съ раскрашенными феями, съ привлекательными улыбками... Все это петербуржецъ, пекущійся о своемъ здоровьѣ, долженъ забыть, такъ совѣтуютъ доктора, желающіе ему здравствовать.

— Но, позвольте, чѣмъ же я буду питаться?.. вопитъ бѣднякъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ будетъ питаться?..

* *
*

Драматическій ужинъ.

Въ одномъ изъ ресторановъ разыгралась драматическая сценка.

Одинъ изъ представителей золотой молодежи, пріѣхавъ въ лучшій ресторанъ и занявъ комфортабельный кабинетъ, велѣлъ подать лукулловскій ужинъ, съ шампанскимъ, ликерами, дорогими сигарами, и затѣмъ потребовалъ перо и чернила.

Уничтоживъ роскошный ужинъ, онъ написалъ записку, въ которой выражалъ мысли о примиреніи съ этимъ міромъ и о желаніи скорѣе унестись въ другой, лучшій; затѣмъ онъ принялся стонать. Вбѣжавшій хозяинъ не растерялся и не исполнилъ просьбы молодого человѣка, просившаго отправить его домой, на что шшоттъ такъ разсчитывалъ, но, пославъ въ аптеку за разными противоядіями, сталъ пичкать насильно молокомъ, теплой водой, вмѣстѣ съ лакеями принялся раскачивать, переворачивать, растирать и довелъ шшотта до сильнѣйшей рвоты. Приглашенный врачъ прополоскалъ желудокъ. Чтобы избавиться отъ дальнѣйшаго участія въ его здоровьѣ, бѣдный шшоттъ повинился: что вся его комедія была разыграна единственно для того, чтобы избавиться отъ расчета за ужинъ.

Написавъ вексель за ужинъ, шшоттъ съ прополосканнымъ желудкомъ уныло уходилъ изъ ресторана.

Сорвалось!.. какъ говорилъ Кречинскій.

—

— Скажите, сколько лѣтъ какъ вы женаты?

— Спросите лучше, сколько зимъ,—на лѣто жена моя всегда уѣзжаетъ на воды, такъ что я лѣтомъ веду жизнь холостую.

С. Эръ.

Она. — Но скажите же мнѣ, какая разница между адвокатомъ и мужемъ?
Онъ. — Огромная, сударыня: адвокатъ обязанъ знать своихъ помощниковъ, а мужъ—нѣтъ!

ТАБАКЪ ВИНОВАТЪ.

Давно до Петра Петровича Головкина долетали слухи, что во время пребыванія его въ клубѣ, у его жены бываетъ по вечерамъ нѣкто Папиросскинъ, но Петръ Петровичъ не придавалъ никакого значенія этимъ слухамъ, будучи твердо увѣренъ въ вѣрности своей супруги. Неожиданный случай, однако, вскорѣ выдалъ головою нарушителя семейнаго благополучія и обнаружилъ ужасную истину.

Въ одинъ прекрасный весенній день Петръ Петровичъ принялся выколачивать шубы и шапки, пересыпая ихъ нюхательнымъ табакомъ и старательно развѣшивая ихъ въ большомъ шкафу. Пыль отъ выколачиваемыхъ вещей и сильный и острый запахъ табаку заставляли его ежеминутно чихать.

— Фи, Пьеръ! Какая гадость! проговорила супруга Петра Петровича.—Кто же это пересыпаетъ одежду табакомъ? для этого есть множество хорошихъ средствъ: нафталинъ, напримѣръ...

— Ничего твой, матушка, нафталинъ не стоитъ! авторитетно заявилъ Головкинъ.—Въ прошломъ году я посыпалъ нафталиномъ, а между тѣмъ моя бобровая шапка оказалась попорченною молью. Противъ моли, лучше нюхательнаго табаку никакого средства нѣтъ!

Наконецъ, процедура уборки зимняго платья была окончена и Петръ Петровичъ, по обыкновенію, отправился въ клубъ.

* *
*

Въ клубѣ, въ этотъ вечеръ у Петра Петровича не составилось партіи. Двое изъ его партнеровъ почему-то не явились, сѣсть же играть съ незнакомыми онъ не рѣшался.

— Поѣду домой, голова что-то болитъ, должно быть отъ табаку, рѣшилъ онъ.

Черезъ десять минутъ онъ уже звонилъ у своего подъѣзда.

Папиросскинъ и Марья Антоновна благодушествовали въ будуарѣ, не подозрѣвая столь ранняго возвращенія Головкина.

Но вотъ раздался звонокъ, нарушившій пріятный tête-à-tête, и Головкина, не имѣя возможности выпустить Папиросскина, поспѣшно втолкнула его въ шкафъ.

— Что это ты такъ рано? спросила она мужа.

— Не составилось пульки, Чичиковъ и Коробкинъ не пріѣхали, да и голова что-то разболѣлась! Сейчасъ поужинаемъ и ляжемъ спать.

— А-а-пчихъ! раздалось изъ шкафа.

Петръ Петровичъ изумился.

— Что это значитъ?..

— А что, душечка? переспросила съ безпокойствомъ Головкина.

— Кажется, кто-то чихнулъ?

— Это тебѣ такъ показалось! Кто же можетъ чихнуть. Можетъ быть, котъ чихнулъ.

Изъ шкафа стало раздаваться неистовое чиханіе.

Головкинъ быстро распахнулъ дверцы шкафа, и передъ нимъ предсталъ несчастный Папиросскинъ, зарывшійся въ шубы. Весь сѣрый отъ нюхательнаго порошка, онъ чихалъ безостановочно.

— А!.. такъ вотъ оно что! зарычалъ Головкинъ, тряся за плечи несчастнаго Папиросскина.

И затѣмъ Папиросскинъ покатился внизъ по лѣстницѣ, оставляя за собою сильный запахъ нюхательнаго табаку.

Жанъ Коко.

ЗООЛОГИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИШКИ.

— Былъ въ Зоологіи?

— Былъ.

— Звѣрей видѣлъ?

— Видѣлъ. Ужасное однообразіе: одни только свиньи, ослы, да мышиные жеребчики...

—

Въ буфетѣ ужинаютъ господинъ и дамочка.

— Человѣкъ! Почему это у васъ такіе маленькіе бифштексы?

— Большихъ подавать мы опасаемся, потому господа могутъ подумать, что они изъ слона сдѣланы...

Дети.

СХОДСТВО.

Длинноволосый господинъ и торговецъ.

— Купите, баринъ, бюстики великихъ писателей: есть бюсты Шекспира, Пушкина, Гоголя, Шевченко...

— Покажи-ка бюстикъ Шевченко.

Торговецъ подаетъ требуемый бюстъ. Длинноволосый господинъ долго разсматриваетъ его и наконецъ восклицаетъ:

— Да тутъ съ Шевченко никакого сходства нѣтъ! Какой же это Шевченко?!

— Какъ же-съ, сударь, съ Шевченко сходства нѣтъ? А шапка? Шевченко всегда такую шапку носилъ.

Ванька Пузырь.

МЕЖДУ ПРІЯТЕЛЯМИ.

— Я давеча обратилъ вниманіе на то, какъ ты предложилъ сигару своему патрону и какъ онъ отказался... И по дѣломъ тебѣ... не суйся къ нему со своими сигарами... Развѣ ты можешь курить такія же хорошія сигары, какія куритъ онъ?

— Отчего же нѣтъ? Вѣдь это его же собственныя сигары. Меня ими его жена постоянно угощаетъ, когда я у нея бываю.

Абеляръ.

НАЛОГЪ НА ЭКИПАЖИ.

Нѣкій „бонвиванъ» мыслитъ вслухъ:

— Жалуются на растраты, хищенія, взятки и тому подобное... Упрекаютъ, что иные живутъ не по средствамъ! Да помилуйте, какъ тутъ станешь жить по средствамъ, когда одни налоги разорить могутъ! Вотъ еще проектируютъ налогъ на собственные экипажи... Каково! У меня, напримѣръ, на иждивеніи находится три танцовщицы, и у каждой по два экипажа. Не угодно ли теперь за всѣ эти экипажи налогъ платить? А вольтерьянцы жалуются на растраты! Тьфу!

Абеляръ.

СВАТОВСТВО.

Къ одной вліятельной дамѣ, имѣющей дочь невѣсту, пріѣхалъ сватомъ отецъ молодого человѣка, недалекаго умомъ, но влюбленнаго въ молодую дѣвушку до безумія.

— Вы меня извините, проговорила тонная барыня, мать невѣсты,—но мнѣ кажется, что вашему сыну еще рано жениться, онъ еще совсѣмъ... не развитъ.

— А мнѣ кажется, что если онъ поумнѣетъ, то тогда совсѣмъ и не женится!.. проговорилъ обиженный отецъ.

Э.

МЕЧТАТЕЛЬ.

Ярокъ былъ весны румянецъ.
Въ этомъ блескѣ—голъ и хилъ—
Блѣднолицый оборванецъ
Дачной мѣстностью бродилъ.

—

И, бродя, мечталъ въ надеждѣ:
„Поживлюсь я скоро тутъ —
„Вѣдь балконы всѣ, какъ прежде,
„Парусиной обобьютъ.

—

„А вонъ тамъ, въ густомъ лѣсочкѣ,
Пѣшехода ввечеру
До булавки, до цѣпочки
Ужъ навѣрно оберу!..“

Эль.

ТОЖЕ ТАЛАНТЪ.

Двѣ барышни и кавалеръ сидятъ на скамейкѣ въ аллеѣ Лѣтняго сада.

— Ахъ, какъ чувствительно описываетъ Гончаровъ виды природы—чудо!.. Вотъ, напримѣръ, въ „Обломовѣ“ онъ описываетъ имѣніе бабушки Обломова,—прелесть! говоритъ одна изъ барышень.

— Нѣтъ, Ниночка, говоритъ другая,—по моему, Тургеневъ описываетъ лучше и чувствительнѣе... Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, напримѣръ, онъ описываетъ имѣніе Лаврецкихъ, ну это просто совершенство.

— Не знаю, право, можетъ описаніе имѣній у Тургенева и Гончарова очень чувствительны, замѣчаетъ меланхолически кавалеръ,—но вотъ, годъ тому назадъ, судебный приставъ описывалъ мое имѣніе,—это было дѣйствительно очень чувствительно, и я, и мамаша, и сестра—мы всѣ плакали.

Бурбоша.

ПОСЛѢДНЯЯ НАДЕЖДА.

Въ Зоологическомъ саду, передъ клѣткой съ орангутангомъ останавливается старушка съ пожилой дочерью. Орангутангъ удивленно смотритъ на нихъ.

— Какъ, должно быть, ему скучно сидѣть здѣсь одному! Бѣдный!.. восклицаетъ дочь, дѣлая обезьянѣ глазки.

— Да, воображаю! соглашается мать.—И тѣмъ болѣе жаль его, что онъ особенно похожъ на человѣка. Онъ даже напоминаетъ мнѣ нѣкоторыми чертами моего покойнаго деспота-мужа,—твоего эгоиста-отца, который умеръ, не дослуживъ двухъ лѣтъ до полной пенсіи!

— А мнѣ онъ напоминаетъ моего послѣдняго негодяя-жениха, который цѣлый годъ даромъ обѣдалъ у насъ.

— Ахъ, не вспоминай! И какъ онъ много ѣлъ!..

Орангутангъ облизывается и скалитъ зубы.

— Посмотри, мама, онъ улыбается!

— Онъ доволенъ, что мы на него смотримъ.

— Вѣдь орангутанги любятъ женщинъ, замѣчаетъ дочь, томно взглядывая на обезьяну.—Я ему дамъ орѣхъ.

Обезьяна раскусываетъ орѣхъ и съ аппетитомъ жуетъ его, поглядывая на дамъ.

— А вѣдь онъ, мама, въ самомъ дѣлѣ недуренъ. Посмотри, какіе у него глубокомысленные глаза. Какъ онъ нѣжно гладитъ на меня! Жаль, что онъ не можетъ выразить словами своихъ чувствъ!..

Орангутангъ протягиваетъ руку за новымъ орѣхомъ.

— У меня нѣтъ больше, милый мой! Это послѣдній былъ! печально заявляетъ дѣвица.—Я завтра приду и принесу еще.

Обезьяна прыгаетъ, скалитъ зубы и протягиваетъ всѣ четыре руки.

— Посмотри, какъ онъ обрадовался! Онъ мнѣ положительно нравится!

Орангутангъ, не получивъ орѣха, повертывается задомъ и прижимается къ рѣшеткѣ клѣтки.

— Ахъ, quel horreur! закрывая глаза, восклицаетъ дѣвица.

— Нахалъ! Невѣжа! гнѣвно замѣчаетъ мать, уводя дочь отъ клѣтки.

— Мама, простимъ ему! Вѣдь онъ дитя природы!.. заступается дочь.

— Никогда! Онъ долженъ все-таки понять, что я—вдова титулярнаго совѣтника!!..

Д. К.

За редактора издатель *Р. Голике.*

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

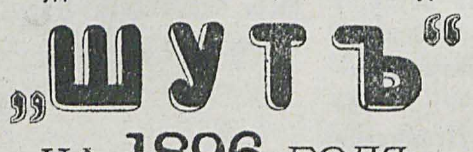
ВЫИГРЫШ-ные 1, 2 и 3 займы продаетъ БАНКИРСКІЙ ДОМЪ **ГЕНРИХЪ БЛОККЪ** 59, Невскій, Спб.

КАПРИЗЫ БАБОЧКИ.
Этюдъ въ 1 д. *К. А. Михайлова.*
Цѣна 20 коп.
Къ представл. *дозволено.* Продается во всѣхъ театр. библіотекахъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ
ДѢЯТЕЛЬНЫХЪ АГЕНТОВЪ.
Обращаться письменно: Банкирскій домъ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ. СПБ., Невскій 59.

XVIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ — О ПОДПИСКѢ — **ГОДЪ ИЗДАНІЯ XVIII**

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ.

НА 1896 ГОДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ перес. и дост.:
На годъ . . . . 7 руб.
На 6 мѣсяцевъ . . . . 4 »
За границу . . . . . . 10 »
Разсрочка по соглашенію съ конторою.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ безъ перес. и дост.:
На годъ . . . . . . 6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ . . . 3 » 50 к.
Адресъ редакціи: Спб. Спасская, 17.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЪ «ШУТЪ» ПОМѢЩАЕТЪ:

Болѣе ТРЕХСОТЪ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографіи).
Болѣе ТЫСЯЧИ карикатуръ — Перомъ и карандашемъ.
Не менѣе СЕМИСОТЪ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста.
ТЫСЯЧИ стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п.

КАРИКАТУРЫ-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ.
КАРИКАТУРЫ на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п.
ПОРТРЕТЫ выдающихся дѣятелей.
Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:
„ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВЪ И ГЕРОИНЬ ДНЯ“.

Количество подписчиковъ на журналъ «ШУТЪ» продолжаетъ невѣроятно увеличиваться. Въ настоящемъ году подписка дошла до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что современная печатная техника отказывается удовлетворить заказы редакціи.

*Ожидаемое на предстоящій годъ баснословное количество подписчиковъ заставляетъ редакцію «ШУТЪ», не щадя издержекъ, и не возвышая подписной платы, отказаться отъ выдачи безплатной преміи въ **1896** году.*

За редактора—издатель Р. ГОЛИКЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Мая 1896 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. № 17.